

с оркестром Р. Глиера, циклы А. Караманова, программы современной и классической музыки. Профессиональная критика неоднократно отмечала высокий исполнительский уровень артистов театра под руководством Заслуженного артиста Украины Н. Антоненко.

С 1996 года театр стал самостоятельным, однако своего помещения не имеет, базируется в здании Республиканского краеведческого музея.

Создатель и художественный руководитель театра – Народный артист Украины Н. Антоненко.

В состав театра входит оркестр из 18 музыкантов (первая скрипка – Заслуженная артистка Автономной Республики Крым Е. Маслова), солисты-вокалисты – Народная артистка Украины, обладательница прекрасного колоратурного сопрано, «крымский соловей» Дарья Вешкина, Народная артистка Украины Е. Басаргина, Заслуженные артисты Автономной Республики Крым С. Летягин и Е. Софрончик.

В репертуаре театра – произведения музыкальной классики XVII-XX веков – В.-А. Моцарт, И.-С. Бах, А. Вивальди, И. Гайдн, П. Чайковский, Р. Глиэр. Поставлены и одноактные оперы «Рита» Г. Доницетти, «Служанка-госпожа» Д. Перголези, «Директор театра» В.-А. Моцарта.

В течение многих лет театр ведет музыкальное воспитание школьников города путем абонементного цикла «Возрождение» о музыке и композиторах разных эпох.

Камерный музыкальный театр постоянно гастролирует по Крыму и пользуется большой популярностью у слушателей.

Так необъяснимо переплелись жизни и судьбы людей творящих. «Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры» [10].

«...Лишь мы, артисты, реальны в этом мире... Все люди – наше сырье. Мы вносим смысл в их существование. Мы берем их глупые мелкие чувства и преобразуем их в произведения искусства, мы создаем из них красоту, их жизненное назначение – быть зрителями, которые нужны нам для самовыражения. Они инструменты, на которых мы играем, а для чего нужен инструмент, если на нем некому играть?... Только мы и существуем. Они тени, мы вкладываем в них телесное содержание. Мы – символы всей этой беспорядочной, бесцельной борьбы, которая называется жизнью, а только символ реален. Говорят игра – притворство. Это притворство и есть единственная реальность» [9].

А здесь уже пересеклись платоновская теория «идей» с той новой реальностью, возникающей и создаваемой Артистами для Зрителей.

Источники и литература:

1. Вайль П. Гений места / П. Вайль. – М., 2001.
2. Документы Министерства культуры, искусств и туризма Украины.
3. Документы Министерства культуры АРК.
4. Историческая справка Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького.
5. Историческая справка Крымскотатарского академического музыкально-драматического театра.
6. Историческая справка Украинского академического музыкального театра.
7. Историческая справка Крымского театра кукол.
8. Историческая справка Крымского музыкального театра.
9. Моэм С. Театр / С. Моэм. – М., 2005.
10. Шекспир У. Как вам это нравится / У. Шекспир. – СПб. : Кристалл, 2002.

Темненко Г.М.

УДК 008:130.2:351.862.22+821.161.1

КРЫМ АННЫ АХМАТОВОЙ

ПОЧВА И СУДЬБА

Жизнь и творчество Анны Ахматовой более всего связаны с севером, с Петербургом. Однако её детство и юность нельзя представить без юга, без Крыма. Долгая жизнь поэта (1989–1966) совпала со многими историческими потрясениями. Погибали люди, рушились города. Ахматова на склоне лет сказала: «Людям моего поколения не грозит печальное возвращение – нам возвращаться некуда...» [3, т. 2, с. 242]. Вспоминая о царскосельском житье, горестно вздохнула: «*От дома того – ни щепки. Та вырублена аллея*». А вот в Крыму такие дома сохранились. Живы некоторые родные. И главное – читатели знают её стихи и помнят о судьбе поэта. Крым в этой судьбе занял важное место. Её ранние годы тесно связаны с Севастополем и Евпаторией. По-разному окрашены были приезды туда – и возрастом, и временем.

С 7 до 15 лет каждое лето она жила в Севастополе: или у тётки Марии Антоновны Горенко на Екатерининской улице, или с родителями под Севастополем на даче Тура [17, с. 32–39]. Об этих временах Ахматова говорила с улыбкой, которая чувствуется и в сохранившихся набросках воспоминаний.

«Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили» [3, т. 2, с. 236].

«Херсонес – главное место в мире. Когда мне было семь лет, я нашла кусок мрамора с греческой надписью. Меня обули, заплели косу и повели дарить его в музей. Вот какое место – где маленькая девочка, прямо так, сверху, находит греческие надписи» [17, с. 32].

«Языческое детство. В окрестностях этой дачи («Отрада», Стрелецкая бухта, Херсонес) – я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т. д., бросалась с лодки в

открытое море, купалась во время шторма, и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных барышень» [3, т. 2, с. 243].

Детство окончилось неожиданно. Воспоминания о Евпатории окрашены совсем иной тональностью. Семейные горести – уход отца из семьи, смерть старшей сестры Инны – совпали с тревожными событиями в стране. «Когда мне было 16 лет, расстались мои родители, и моя мать целый год провела с детьми в Евпатории. Там не было железной дороги, а пароходы не могли подходить к берегу. О событиях 1905 года мы узнавали только по слухам. Я бродила по пустынному пляжу и в первый раз слушала «взаправдашние», а не учебные выстрелы с «Потёмкина». Я вспоминала, как дрожали руки у студента-репетитора, когда он приехал в Царское Село и рассказывал о 9 января» [3, т. 2, с. 428]. («По-видимому, А. А. имеет в виду восстание на крейсере «Очаков» (ноябрь 1905 г.). Восстание на броненосце «Потёмкин» произошло в июне 1905 г., когда А. А. ещё жила в Царском Селе») [1, с. 28]. «Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов» [3, т. 2, с. 236]. Евпатория казалась ей тогда «отрезанной от мира». Летом 1906 г. Анна совершила попытку самоубийства: «...я в Евпатории вешалась, но гвоздь выскочил из известковой стенки <...> Мама плакала, мне было стыдно – вообще скверно» [2, с. 435]. После получения в конце мая 1907 г. в Киеве свидетельства об окончании Фундуклеевской гимназии она «живёт с матерью в Севастополе (М. Морская, д. 48, кв. 4), лечится в грязелечебнице д-ра Шмидта» [17, с. 47]. Врачи запрещали ей продолжать учёбу. Перезимовав в Киеве, она весной 1908 г. поселилась с матерью в Балаклаве, но осенью всё же поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве.

Эта пора неопределённых надежд и определённых тревог сопровождалась «сердечной смутой». Гимназистка Аня Горенко страдала от безответной любви к студенту Петербургского университета Владимиру Викторовичу Голенищеву-Кутузову, мучилась от невозможности его увидеть, почти полгода писала письма родственнику С. В. фон Штейну с просьбами прислать фотографическую карточку любимого, чтобы переснять с неё «маленькую для медальона» [2, с. 433–440]. Но знакомый по Царскому Селу ещё с 1903 года Николай Степанович Гумилёв, гимназический друг её брата, влюблённый в Анну до беспамьяства, в 1905 году в отчаянии от её равнодушия пытался покончить с жизнью [17, с. 41]. Несмотря на последовавший отказ встречаться с ним, Гумилёв посвящал ей стихи, дождался примирения, приезжал в Севастополь, делал предложение руки и сердца. Она то соглашалась, то вновь отказывалась (отголосок в строках её поэмы «У самого моря»: «...я не хотела / Ни роз, ни ехать на север...»), и это вызвало новые попытки самоубийства. В Париже он так тосковал о ней, что ходил через весь город на Севастопольский бульвар, из-за его названия.

А между тем всё более давало знать о себе поэтическое призвание. Первое явление музы описано Ахматовой в поэме «У самого моря», сюжет которой связан с Севастополем:

*Девушка стала мне часто сниться
В узких браслетах, в коротком платье;
С дудочкой белой в руках прохладных.
Сядет, спокойная, долго смотрит
И о печали моей не спросит,
И о печали своей не скажет.* [3, т. 1, с. 265].

Нрав этой музы – вольный и своенравный, как и у неё самой.

В конце 1909 года Анна дала согласие Гумилёву на брак, они обвенчались 25 апреля 2010 г. [17, с. 56]. Отправились в Париж, затем в Петербург. Судьба повела её как раз «на север», где ожидали не только «розы» – первая слава, но и новые разочарования и тревоги.

После этого несколько лет Ахматова не приезжала в Крым, хотя в 1915 ей рекомендовали лечиться здесь под горячим солнцем от туберкулёза. Почти полгода прожила в Крыму в 1916 г. Шла Первая мировая война, за ней – невиданные беды и горести. Когда революционная смута разрывала страну, слухи ходили самые ужасные. В Крыму матросы расстреливали офицеров. В 1918 году Ахматова оплакала участь младшего брата Виктора:

*Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далёкой
Миноносец свой водил.*

*На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на божий свет.* [3, т. 1, с. 102].

Вести о гибели Виктора, к счастью, не подтвердились. Ему удалось спастись. После ряда перипетий он оказался в Америке и пережил Анну на пять лет. А в августе 1921 был расстрелян Гумилёв. В Крыму же говорили, что в Петрограде погибла она сама. 28 октября 1921 года в Центральном показательном клубе Симферополя состоялся вечер памяти Ахматовой [17, с. 150]. Сохранилась афиша этого вечера. Но не

ложными были известия о смерти от туберкулёза поэта и критика Н. В. Недоброво в Ялте в 1919 году, о смерти сестры Ии Горенко в Севастополе в 1921-м. Начинаясь совсем другая эпоха. А средств к существованию практически не было, здоровья не прибавлялось. Ещё раз Ахматова побывала в Крыму в сентябре 1929 года – лечилась от астмы в санатории в Гаспре. После этого поездки на юг, да и вообще дальние поездки стали для неё почти невозможны. Во время войны – эвакуация в Ташкент. И только на излёте хрущёвской «оттепели» – Италия, Англия, Франция. Прощание с Европой и с жизнью.

Итак, Крым в судьбе Ахматовой – это действительно родная земля, с которой связано время детства и молодости. Но это ещё и сама молодость:

*Вижу выцветший флаг над таможенной
И над городом жёлтую муть.
Вот уж сердце моё осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.*

*Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.*

*Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадёжно дряхлеют сердца. [3, т. 1, с. 65]*

Ахматова всегда поражала читателей точностью поэтического слова. Но в этом стихотворении есть странность. Оно написано в 1913 году, когда назвать её сердце дряхлеющим было нельзя. Впереди – ещё более полувека, и многое перенесёт это сердце (его остановит 8 марта 1966 года четвёртый инфаркт). И в другом, главном смысле её сердце никогда не дряхлело: до конца сохранило способность видеть мир и любить его красоту.

*Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Всё возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить. [3, т. 1, с. 252]*

Однако всё встанет на свои места, если мы согласимся, что стихотворение 1913 года написано не о дряхлости сердца, а о приморской девчонке, ощущавшей родство со всем миром, неистово певшей и о радости жизни, и о Божьем храме – о том счастье молодости, которое потому и счастье, что человек ещё целостен и не отделяет себя от мира, воспринимаемого тоже как цельный и единый. Это чувство согласия с собою и слияния с миром так прекрасно, что по сравнению с ним даже более или менее благополучное взросление могло бы показаться одряхлением, а жизнь в Петербурге заставляла с тоскою оглянуться на совсем недавнее прошлое.

Море, розы, древний Херсонес, запах винограда, песок и чайки, ощущение свежести и приволья – пришли в стихи из Крыма, с которым были тесно связаны детство и юность и ещё очень, очень многое. С морем сравнила она самое близкое и прекрасное – воспоминание о глазах матери, Инны Эразмовны Горенко:

*И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, посмотревши в них)... [3, т. 1, с. 254].*

Крым для неё был настоящей родиной. Не только потому, что с ним были связаны годы детства и юности. Как всякая земля – это прежде всего земля людей. Здесь издавна жили ее родные, да и сейчас еще живут.

КОРНИ И ПОБЕГИ

Прадед по отцовской линии Андрей Горенко происходил из крепостных крестьян, начал войну 1812 года простым солдатом, проявил доблесть и мужество. Награждён серебряными медалями за участие в Бородинском сражении и во взятии Парижа. Он дослужился до офицерского чина, что дало ему личное дворянство [18, с. 4–5].

Дед Ахматовой Антон Андреевич Горенко родился в 1818 году. В 14 лет был юнгой Черноморского артиллерийского училища, в 20 – унтер-офицером в Севастополе. В это время его отец был прапорщиком – чин офицерский. По существовавшему в то время закону потомственное дворянство получали дети, родившиеся после того, как их отец (если не был дворянином) получал первый офицерский чин. Но если у офицера после возведения его во дворянство не рождалось детей мужского пола, то он мог передать свои сословные права любому из сыновей, родившихся до их получения. Андрей Горенко подал в 1840 г. прошение, благодаря которому Антон получил дворянство. В 1842 г. он и сам был произведён в прапорщики [19, с. 153–154]. Антон Андреевич участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны, получил орден Святой Анны третьей степени с бантом и мечами «в воздаяние отличной храбрости и мужества», а позже – и орден Святого Владимира четвертой степени. В начале 1864 г. он и его семейство были утверждены потомственными дворянами Симферопольского уезда Таврической губернии [19, с. 156]. Его супруга Ирина Ивановна (в девичестве Воронина), как теперь точно установлено, имела греческие

корни. Ахматова шутила, что её «предки греки, всего вернее – морские разбойники», упоминала семейное предание о том, как прабабушка сама довела корабль до берега, когда в море заболели муж и сын. Знаменитая горбинка на носу, говорят, – тоже греческое наследство [18, с. 13].

В Севастополе сохранился дом, принадлежавший Антону Андреевичу Горенко. В 1882 году дед Ахматовой был майором, смотрителем портовых земель и садов Севастополя. Умер он в 1891 году, когда будущей поэтессе было два года. Дом его недалеко от Графской пристани чудом сохранился (бывшая Екатерининская улица, № 12) Поскольку во время Великой Отечественной войны немецкие бомбёжки разрушили множество домов, нумерация изменилась. Сейчас это № 6 по ул. Ленина. На нём мемориальная доска. В доме кафе, в котором иногда собираются и представители севастопольской интеллигенции, читают стихи, говорят о культуре, об искусстве. Но музея – нет.

У Антона Андреевича и Ирины Ивановны было девять детей. Их старший сын Андрей Антонович Горенко (будущий отец Анны) родился в Севастополе в 1848 г. Он продолжил династию морских офицеров: уже в 10 лет стал кадетом Черноморской штурманской роты, в 14 – юнкером... В 1870 году, после возвращения из заграничного плавания, получил первый офицерский чин, с 1875 г. преподавал в Морском училище в Петербурге, занимался общественной деятельностью [18, с. 13]. Это был красивый высокий человек, преданный своей профессии. В 1881 г. он подверг резкой критике деятельность Российского общества пароходства и торговли. Об этом сообщала газета «Николаевский вестник»: «...основываясь на точных сведениях и на данных, почерпнутых из отчетов самого же общества, доказал преступную небрежность, с какою ведёт оно свои морские операции». Через полгода он был обвинён в неблагонадёжности. Возможно, под влиянием романа Чернышевского «Что делать?» лейтенант Горенко убеждал своих приятелей вступать в фиктивные браки, чтобы освободить молодых девушек от семейного угнетения. Следствие тянулось более года, но окончилось относительно благополучно, хотя в Севастополе его младшие сёстры Анна и Евгения также оказались под надзором полиции, поскольку были связаны с народолюбцами [18, с. 15–16].

Заметно, что традиционной для этой семьи была не только морская служба. Тяга к образованию соединилась со стремлением к просвещению. Андрей Антонович не только служил и преподавал, он в 1880-е печатал статьи на общественные и литературные темы [18, с. 17]. Его брат Владимир Антонович был учителем математики в Евпаторийском уездном училище [15, с. 108]. Занимался преподавательской деятельностью их брат Пётр Антонович [16, с. 194]. Надежда Антоновна Горенко, учительница младших классов, состояла до революции в партии социалистов-революционеров и вела среди рабочих не только пропаганду, но и культурную, просветительскую работу. Евгения Антоновна, в замужестве Арнольд, «получила медицинское образование и стала вольно практикующим врачом при Севастопольском градоначальстве» [19, с. 158].

Лучшие традиции трудовой российской интеллигенции передавались из поколения в поколение. Но эстафета прослеживается с некоторыми затруднениями. После революции принадлежность к дворянству пришлось скрывать – а ведь Горенки заслужили его, защищая Отечество. О родстве с великим поэтом Анной Ахматовой также приходилось умалчивать – оно стало слишком опасным после постановления ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Правнучатая племянница Ахматовой Татьяна Васильевна Мяздрикова большую часть жизни и не подозревала об этом родстве. И только на склоне лет в Ялте от своего дяди Эразма Константиновича Егорова узнала о том, что и для него было недавним открытием. Его редчайшее имя, как оказалось, было дано в память об Эразме Ивановиче Стогове, деде Ахматовой по материнской линии. Однако в семье об этом долгое время боялись говорить. Книга Мяздриковой «Анна Ахматова на Гераклеяском полуострове», изданная в Севастополе в 2003 году, содержит немало интересных сведений по истории семьи, к сожалению, не всегда точных – Татьяна Васильевна, инженер и преподаватель математики, не обладала подготовкой, необходимой для таких разысканий. Тем не менее после выхода книги и вплоть до своей кончины в 2008 г. она опубликовала несколько материалов в ежегодном Крымском Ахматовском научном сборнике «Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество», активно выступала на Ахматовских конференциях, ежегодно проводимых Таврическим национальным университетом. Участники чтений и сборников немало сделали для уточнения обстоятельств, касающихся пребывания в Крыму Ахматовой и её родни. Некоторые линии родственных связей можно назвать пунктирными – есть документы, подтверждающие родство, но не сохранилось воспоминаний о контактах. Однако налицо закономерность: и близкие, и дальние – люди, достойные вынимания и уважения [см. 6; 9; 12–19 и др.].

Культуру двигают вперёд гении, но держится она, как известно, усилиями множества менее заметных тружеников. Их родство естественно и необходимо. В творчестве Ахматовой оно иногда присутствует незримо, иногда проявляется вполне отчётливо. Кроме того, есть поэма, в которой Крым присутствует и как географическое, и как культурное явление.

ПОЭМА

Поэма Анны Ахматовой «У самого моря» была написана в 1914 и впервые опубликована в 1915 году, в 1917 вошла в сборник «Белая стая». История девочки, ждавшей царевича на берегу Чёрного моря, увидела свет в пору Первой мировой войны и революционных потрясений. Повествование колеблется между явью и сном, сказкой и былью, подчёркивая несовпадение сказочной мечты и жестокой реальности. Девочка, живущая «у самого моря», получает от цыганки странное и радостное предсказание («*Скоро весёлой, богатой станешь. / Знатного гостя жди до Пасхи <...> Песней одною гостя приманишь*»). Мгновенная

вспышка еще детской фантазии превращает «*знатного гостя*» в прекрасного *царевича*, должностующего приплыть за своей избранницей. Повествование ведётся от лица самой героини. Мы узнаём, что ей удалось сочинить прекрасную *песню*, но в долгожданный пасхальный день девочка увидела не приезд жениха, а гибель на берегу моря незнакомого юноши.

Существует инерция рассмотрения поэмы как некоего комментария к биографии поэта. Отрицать отражение в поэме «У самого моря» впечатлений юности было бы нелепо. Крымский, севастопольский пейзаж узнаётся с первого взгляда, как и характер героини:

*Бухты изрезали синий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила солёную косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зелёная рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и весёлой
И вовсе не знала, что это – счастье.* [3, т. 1, с. 262].

Переход героини поэмы от счастья к горю тоже можно соотнести с различными обстоятельствами крымского житья, изложенными выше. Но смысл произведения был бы плоским, если бы сводился к воспоминаниям. А между тем его значительность не вызывает сомнений. Сохранилось письмо А. Блока к А. Ахматовой: «Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они – не пустяк, и много такого – отрадного, *свежеего*, как сама поэма. <...> не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравнений с десятью неизвестными; надо еще жестче, неприглядней, больнее. – Но все это – пустяки, поэма настоящая, и вы – настоящая...» [4, т. 8, с. 459].

Сама Ахматова не оставила комментариев к этому высказыванию, да и вообще мало писала о поэме «У самого моря». На склоне лет она беспокоилась, понятно ли из текста, что её героиня не взрослая девушка, а ещё совсем ребёнок, девочка лет двенадцати. Вспоминая о себе в этом возрасте, Ахматова нашла выразительные определения: «языческое детство», «дикая девочка». Но её наброски не касаются внутреннего мира будущей поэтессы и не помогают понять сюжет поэмы. Небольшая запись, относящаяся к истории создания поэмы, уводит далеко в сторону от образа жениха вообще: «Это было уже в Слепневе (1914) в моей комнате. И это значило, что я простилась с моей херсонесской юностью и почуяла железный шаг войны» [3, т. 2, с. 442]. То есть внешним толчком, оживившим совсем не забытые страшные потрясения ранней юности, послужило начало Первой мировой войны.

Таким образом, тема поэмы связана с событиями, касающимися Крыма, но и уводящими далеко за его пределы. Война четырнадцатого года непосредственно не отразилась в поэме «У самого моря». Но есть напоминание о Крымской войне, об осаде Севастополя.

*Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,
И приносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжёлых.* [3, т. 1, с. 262].

Этот эпизод звучал бы почти идиллически, если бы не его историческая подоплёка. Маленькая героиня поэмы не знала, что живет не только не в сказочном государстве, но даже и не в той победительнице-стране, которая выполняла завет Петра «ногою твердой встать при море». А для Ахматовой, дочери морского офицера, внучки героя Севастопольской обороны, это было отчётливым напоминанием о позоре поражения в Крымской войне полувековой давности, которое, видимо, перекликалось с известиями о поражении в русско-японской войне («Непременно 9 января и Цусима – потрясение на всю жизнь, и так как первое, то особенно страшное») [3, т. 2, с. 253]. В поэме эти планы соединяют следующие слова:

*И говорила сестре сердито:
Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента.* [3, т. 1, с. 262].

Девочка в мечтах видит себя царицей, которая будет «*беречь воду и землю*». В её сознании история легко переплавляется в сказочный сюжет со счастливым концом: «*Боже, мы мудро царствовать будем...*» Представляется важным, что первое упоминание о царстве не содержит речи о царевиче. Главная мечта героини – вовсе не замужество, подтверждением тому служит её нежелание принимать *розы* от «*сероглазого мальчика*». Но чтобы стать *царицей*, надо выйти замуж за царевича. Наивно-сказочное представление о всеобщем счастье в могучей стране («*Мы никого обижать не станем*») характерно для подросткового, полудетского восприятия жизни. И мечта стать такой царицей продиктована впитанными с детства понятиями о добре и зле, естественно усвоенными уроками патриотизма, она символически выражает гуманистические ценности отечественной культуры.

Гибель «*царевича*» рушит весь сказочный, уютный и надежный мир. Именно в момент его появления сказка кончается. Это описано у Ахматовой как момент пробуждения, которое страшнее сна: «*Долго я верить себе не смела, / Пальцы кусала, чтобы очнуться...*» Поэму можно было бы назвать «сказкой о мёртвом царевиче» или даже «антисказкой». Если у Пушкина в «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях» царевна счастливо избегает гибели и просыпается от поцелуя жениха, то «царевич» в поэме

Ахматовой появляется только однажды, чтобы сразу умереть. Героиня поэмы не сомневается, что видит не условно-сказочную, а настоящую смерть:

*Эти глаза, зеленее моря
И кипарисов наших темнее, –
Видела я, как они погасли...*

Лучше бы мне родиться слепой. [3, т. 1, с. 268].

Все пережитые в юности события сливаются в ступок, вполне объясняющий эмоциональную окрашенность поэмы. Однако они не имеют прямых соответствий в сюжете и образах поэмы. Странно выглядит фигура «царевича». Все попытки рассматривать в качестве его прототипа Н. Гумилёва оказываются несостоятельными. Из-за отсутствия традиционных сказочных мотивов этот персонаж невозможно сравнивать ни с королевичем Елисеем, ни с каким-либо иным царевичем фольклорной или литературной сказки. Это побуждает нас обратиться к истокам более давним – к архетипам царя и царевича, сложившимся ещё в древних культурах.

Архетипы являются универсальными структурами именно благодаря своей древности. Сказка для них – не колыбель, а пристанище, куда они приходят после жизни, интенсивно прожитой в ритуалах и мифах.

«Царевич» в поэме А. Ахматовой имеет две ипостаси: это предполагаемый будущий царь и в связи с этим предполагаемый жених героини. Они восходят к архетипу царя-жреца, функции которого, как известно, состояли в поддержании связи между миром людей и миром природы. И его брак, и его смерть наделялись свойствами магического воздействия на судьбы мира и людей, приобретали сакральный характер.

Многokrратно описанный обычай умерщвлять постаревшего царя имел целью воспрепятствовать полному угасанию его жизненных функций – победивший соперник олицетворял воскрешённую царственную силу и, вступая в брак, воздействовал на обновление производительных сил природы. (Этот ступок заметен и в пушкинской «Сказке о мёртвой царевне...»: злая царица постоянно ждёт от зеркала подтверждения своей красоты – начало увядания предвещает ей скорую гибель). Однако ни мифический, ни сказочный царь не должен гибнуть помимо этих условий.

Не менее распространённым является сюжет временной смерти центрального персонажа сказок и мифов, как правило – юного (хотя и не всегда, но часто именно царевича) – как отзвук обряда инициации. В первобытных племенах этот обряд состоял из множества испытаний, после преодоления которых инсценировалась временная смерть, символизовавшая превращение мальчиков в мужчин, полноправных членов племени. Те же закономерности можно обнаружить и в сюжетах, связанных с изображением многих богов (Осирис, Инанна, Персефона, Один и др.). В сюжетах, где действующими лицами являются боги, к мотиву смерти-воскрешения как реминисценции инициации присоединяются мотивы календарного обновления природы. (В сказке Пушкина «О мёртвой царевне...» через испытания проходит не только королевич, но и царевна. Брак юной пары – это торжество обновляющейся жизни).

Известное исключение из этого правила – странная гибель Бальдра, юного светлого бога германоскандинавской мифологии. Бальдр может воскреснуть только после конца света, когда начнётся совершенно новый сюжет существования Вселенной. В начале XX века популярность этой мифологии в Европе, благодаря Вагнеру и Ницше, была очень высокой. На этом фоне мифологема о гибели царя-жреца может рассматриваться и как выражение общих тревог эпохи, вариация на тему «гибели богов». Ощущение близкой катастрофы, гибели мира буквально носилось в воздухе, что и проявилось в поэме. Но Бальдр погиб из-за коварных происков бога Локи, а в поэме Ахматовой нет злодея-убийцы. Причины гибели **царевича** в поэме остаются неясными – отсюда, видимо, и выражение А. Блока «уравнение с десятью неизвестными». Отсутствие в сюжете прямых мотивировок гибели столь значительного персонажа побуждает искать причины хотя бы косвенные.

Как известно, В. Я. Пропп в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» отнес весь метасюжет волшебной сказки к обрядам инициации. Сказочное странствие героя, полное испытаний, явно воздействует на характер ожиданий читателей поэмы «У самого моря». В сказке поджидающая невеста может сама подвергать царевича испытаниям и даже ставить на грань гибели. Это побуждает некоторых исследователей предполагать, что в его смерти виновата героиня поэмы.

Однако девочка не желала гибели царевича, радостно ждала его – живого. Все ее мысли о нём, *песня* сложена для него. Она идёт на берег с мыслью о любимом и там засыпает, истомлённая ожиданием – в момент катастрофы она безгрешно спит, не ведая, что происходит. При самом суровом расследовании ей нельзя предъявить хотя бы «трагической вины», предписанной Аристотелем для трагических героев. Даже с точки зрения строгой христианской морали ничего серьёзнее жажды жизни или, может быть, первородного греха предъявить этому ребенку невозможно.

Впрочем, загадка без разгадки может быть иногда понята именно в этом и только в этом качестве. Гибель «царевича» – того, кто правил одной из яхт, – выглядит подчеркнуто непонятной. Следовательно, это и позволяет понять характер трагедии, постигшей героиню. Автор не случайно отказывается здесь от указания, столь привычного и для мифа, и для сказки, и для рационалистических традиций, – указания на корень или природу зла.

Ахматова остро ощущала приход новой эры, когда зло становится всё более обезличенным – эры мировых войн, массовых репрессий, глобальных катастроф, жертвами которых обречены становиться прежде всего невинные люди. В этом плане её указание на то, что замысел поэмы порождён «железным шагом войны», позволяет понять и немотивированность гибели главного персонажа. Позже проявится

обезличенность зла и в «Поэме без героя» («Кто-то с ней без лица и названья»). Смерть «царевича» «У самого моря» – не результат действий девочки. Скорее, пожалуй, это **то, что происходит с героиней**. Следовательно, вопрос надо поставить так: а что с ней происходит?

Слова: *«Когда я стану царицей»*, – дают истинный ключ к смыслу сюжета. Испытания относятся не к герою, а к героине. В её истории нет ни коварных «вредителей», ни ложных или истинных «дарителей». Волшебство исчезло. Испытания остались. Чтобы, по предсказанию цыганки, чудо свершилось и царевич приехал, героиня должна была сама совершить нечто необычайное. Цыганка сказала ей: *«Песней одною гостя приманишь»*.

Это, несомненно, истинная завязка. До сих пор детскими были и тревоги, и заботы (*«В песок зарывала желтое платье...»*), детскими были радости (*«Ко мне прилетала белая чайка...»*). Чувство родства и единства с окружающим миром было стихийным, почти неосозанным. Таинственные силы, присущие героине (*«Знали соседи, я чую воду»; «Все говорят, ты приносишь счастье»*), ей самой не вполне понятны и существуют как бы помимо ее воли. Иногда девочка подтверждает их присутствие, иногда отрицает, – это более интересует соседей, чем её. Силы эти в ней не имеют отчетливой религиозной маркировки. Героиня молится каждый вечер перед сном и чиста душою. (Лёгкий «языческий» налёт в её поведении не является конфликтообразующим началом, а выражает античный колорит Херсонеса и подготавливает появление Музы). Все это в равной мере годится и для психологической характеристики подросткового сознания, и для намека на некую мифологему предназначенности для предстоящих испытаний.

Но когда волшебная задача определена, оказывается, что присущие героине задатки мало ей помогают. Более того, испытание отрывает её от ставшего привычным и родным мира: *«От тревоги я разлюбила / Все мои бухты и пещеры»*. Мифологема странствия, присущая сказочному сюжету и связанная с обрядом инициации, намечается хотя бы условно, «пунктирно»: героиня поэмы меняет направление – уже не прогулок, а скорее блужданий: *«Я в камышах гадюк не пугала, / Крабов на ужин не приносила, / А уходила по южной балке / За виноградники в каменоломню / – Туда не короткой была дорога»* [3, т.1, с.264]. Конечно, каменоломня – не дверь в преисподнюю, однако этот лаконичный образ подчеркнуто неуютен, ассоциируется с неустройством, хаосом. Незаметно для героини меняется её зрение, наступает стремительное расширение её мира:

*Дули с востока сухие ветры,
Падали с неба крупные звезды.
В нижней церкви служили молебны
О морях, уходящих в море,
И заплывали в бухту медузы,
Словно звезды, упавшие за ночь,
Глубоко под водой голубели.
Как журавли курлыкают в небе,
Как беспокойно трещат цикады,
Как о печали поет солдатка, –
Все я запомнила чутким слухом...*

Это не пересказ пушкинского «Пророка», а новая жизнь созданного им архетипа: ведь здесь есть и «неба содроганье», и «гад морских подводный ход» – в иной стилистической тональности, но в том же смысловом ключе. И, как и у Пушкина, здесь ещё нет главного чуда:

*Всё я запомнила чутким слухом,
Да только песни такой не знала,
Чтобы царевич со мной остался.* [3, т.1, с.265].

Время поисков песни – время крымской зимы – дано как тоскливое и мертвенно страшное. И если вначале девочка смутно надеется где-то услышать заветную песню и грустит о том, что это не удаётся, то затем происходит чудо настоящее. Прислушиваясь к миру, она сама становится поэтом: *«Девушка стала мне часто сниться...»* Муза не названа по имени, но она узнаваема, она (это отмечено многими исследователями) восходит к образу музы Пушкина. Правда, эта муза не годится на роль волшебного помощника. Она является к героине во сне, но молчит: *«И о печали моей не спросит, / И о печали своей не скажет...»* О способности этой музы диктовать «страницы “Ада”» Ахматовой скажет позже, но уже здесь за обретение песенного дара она заплатит невероятно высокую цену. Смерть «царевича» непоправима. Перенесённое потрясение укладывается в характерную для обряда инициации идею временной смерти посвящаемого (*«Сердце моё застыло...»*). *«Он никогда не придет, Лена. / Умер сегодня мой царевич»*. Страшное спокойствие этих слов говорит и о внезапном повзрослении, и о переходе души в иное качество.

«Жестокая и юная тоска» ахматовской музы была исполнена внутренней силы. Она не уводила от противоречий и трагедий, а умела и учила сохранять стойкость и веру перед лицом настоящих и грядущих испытаний. (Стойкость эта удивительным образом способна объединить ценности и античной, и христианской культур. Стоицизм не случайно предшествовал христианству). В поэме «У самого моря» обретенный дар знаменует посвящение в высокие таинства искусства. Если искать проявление древних архетипов, то обряд инициации приобретает здесь качество инварианта для сюжета «призвание поэта».

Возможно, описанное в пушкинском «Пророке» превращение – *«И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул...»* – в какой-то мере годится для понимания того, что же именно произошло с героиней поэмы. В таком случае заключительные строки поэмы, говорящие об отпевании умершего, –

«Христос воскрес из мертвых», – могут символизировать то приобщение героини к «божьей правде» и «божьей воле», которое дается именно пророку: «И несказанным светом сияла круглая церковь».

Тогда сюжет поэмы можно рассматривать как современную интерпретацию древнего обряда инициации, обогащенную ценностями и традициями русской культуры предшествующей эпохи и обращенную к тревогам и бурям мира современного. При этом налицо ослабевание связи с привычными фольклорными схемами, стремление к их переосмыслению в духе нового времени. Однако созданные Пушкиным образы музы и пророка проявляют свойство новых архетипов, укоренённых именно в русской культуре. В поэме Ахматовой они играют аксиологическую и сюжетообразующую роль. Мир, в котором проснулась героиня поэмы, далеко отодвинулся от пушкинской эпохи. В нём больше не осталось места для сказки – разве что для очень страшной. Но муза оказалась бессмертной.

Крым в поэме «У самого моря» предстаёт как хронотоп, вмещающий культурные ориентиры разных эпох. Прежде всего море, «свободная стихия», определяет характер юной героини, романтически сильной и свободолюбивой личности. В формировании этой натуры принимают участие и простые рыбаки, чьи рассказы о море она жадно впитывает, и больная сестра, вышивающая плащаницу для церкви. Её мир оказывается безграничным благодаря первозданной открытости героини всем его проявлениям. «Языческое детство» объединяет прошлое и настоящее Крыма уже первым упоминанием Херсонеса – у его ворот встречается монах, который упрекает девочку: «Что ты бродишь ночью?» Она в этот момент – своя и в дневном времени с его тёплыми волнами, прогретыми солнцем, и в ночном, когда возвращение домой кажется ей совершенно безопасным, потому что вокруг родной и знакомый мир, тоже являющийся домом.

Хронотоп Херсонеса – места, где стояли античные храмы, где цвела гуманистическая культура Греции, в центре мира ставившая человека, и места, откуда на Русь пришла христианская вера, где впервые принял крещение князь Владимир, – объединяет в поэме Ахматовой древность с современностью, с новым осознанием места человека в этом мире. Севастопольские бухты хранят память о Крымской войне, о бесстрашии и стойкости защитников этой земли, о мужестве смотреть в лицо смерти. Не случайно Лев Толстой в «Севастопольских рассказах» вспоминал гомеровских героев. Отечественная культура вобрала европейские архетипы гуманистической культуры и дала им новое развитие. Изображение крымской земли в поэме Ахматовой вмещает культурные ориентиры разных тысячелетий не как экзотический набор разнокалиберных сувениров, а как органическую память этапов единого развития человечности.

Источники и литература:

1. А. Ахматова и Крым / В. А. Черных // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2001. – С. 36-42.
2. Анна Ахматова. Н. Гумилёв. Стихи и письма / сост., вступ. ст. Э. Г. Герштейн // В мире отечественной классики : сб. статей. – М. : Художественная литература, 1987. – Вып. 2. – С. 427-475.
3. Ахматова А. Сочинения : в 2-х т. / А. Ахматова. – М. : Худож. литература, 1986.
4. Блок А. Собрание сочинений : в 8-и т. / А. Блок. – М., Л., 1962.
5. Державина В. Ф. Имя Ахматовой на карте Севастополя / В. Ф. Державина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2005. – Вып. 3. – С. 171-176.
6. Державина В. Ф. Севастопольские родственники А. Ахматовой : Арнольд / В. Ф. Державина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2007. – Вып. 5. – С. 151-155.
7. Державина В. Ф. Улица детства Ани Горенко / В. Ф. Державина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2009. – Вып. 7. – С. 247-252.
8. Катина В. К. «Живу в Евпатории, в доме Пасхалиди» / В. К. Катина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2001. – Вып. 1. – С. 42-45.
9. Катина В. К. Севастопольские дачи семьи Анны Ахматовой и семьи А. Л. Бертье-Делагарда / В. К. Катина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2004. – Вып. 2. – С. 14-17.
10. Катина В. К. Севастопольские владения семьи Горенко / В. К. Катина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2006. – Вып. 4. – С. 214-217.
11. Катина В. К. Судьба Анания Пасхалиди / В. К. Катина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2009. – Вып. 7. – С. 239-243.
12. Мяздрикова Т. В. Анна Ахматова. Семья. Родина / Т. В. Мяздрикова // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2006. – Вып. 4. – С. 205-214.
13. Мяздрикова Т. В. Об одной старинной фотографии (Портрет матери Анны Ахматовой) / Т. В. Мяздрикова // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2005. – Вып. 3. – С. 160-164.

14. Никифорова Л. Л. Сведения о семье Горенко в Крымском государственном архиве / Л. Л. Никифорова // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2009. – Вып. 7. – С. 243-247.
15. Никифорова Л. Л. Ученики и учителя Горенко / Л. Л. Никифорова // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2010. – Вып. 8. – С. 93-113.
16. Поберезкина П. Е. Крымская Ахматовиана (1992-2001). Материалы к библиографии / П. Е. Поберезкина // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2006. – Вып. 4. – С. 191-198.
17. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой / В. А. Черных. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Индрик, 2008. – 768 с.
18. Черных В. А. Родословная Анны Андреевны Ахматовой / В. А. Черных // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2001. – Вып. 1. – С. 3-28.
19. Шевченко С. М. Род Горенко в Севастополе. Новые данные к родословной Анны Ахматовой / С. М. Шевченко, П. М. Ляшук // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2005. – Вып. 3. – С. 153-159.

Хайрединова З.З.

УДК 911.53:217(477.75)

БАХЧИСАРАЙСКИЙ АЗИЗ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КРЫМА

Культура играет важную роль в жизни общества. Сохранение и популяризация памятников духовной культуры для любого народа – это важная составляющая дальнейшего существования и развития общества. Объединяющей и цементирующей силой народа является его история, которая сохраняется в национальной памяти, в культуре. Для крымских татар сохранение и восстановление мечетей, святых мест, конфессиональных учебных заведений является первоочередной задачей.

Сегодня выявление памятников культурного наследия, перспективных для использования в качестве музейных объектов и их последующая музеефикация, должны стать определенной государственной программой.

В рамках изучения культурных ландшафтов существует несколько подходов, один из которых – этнолого-географический (Московский государственный университет – В.Н. Калуцков). Этнолого-географический подход рассматривает культурный ландшафт как сумму взаимодействующих подсистем, а именно: природного ландшафта, систем расселения хозяйства, сообщества, языка (особенно топонимики), духовной культуры (главным образом, фольклора). Базовыми понятиями служат «природный ландшафт» и «этнос» (сообщество). Культурный ландшафт, таким образом, – это освоенный этносом (сообществом) природный ландшафт. Расселенческие и хозяйственные системы, язык, духовная культура являются атрибутикой этносов (сообществ), но формируются в рамках возможностей, предоставленных природным ландшафтом. В результате этого природные ландшафты наполняются определённым культурологическим содержанием. Важно, что понятие «культурный ландшафт» не ограничивается материальными субстанциями, а включает в себя семантический слой, создаваемый этносами и фиксируемый в фольклоре и топонимике. Основным исследуемым типом культурного ландшафта при этом является сельский, поскольку он наилучшим образом отражает этнические, национальные аспекты взаимодействия человека и природы (1., с.14-15).

В настоящее время Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник является примером такого культурного ландшафта. Сегодня определённый интерес вызывает комплекс мусульманских погребально-культовых сооружений XIV – XVI вв. в историческом районе Бахчисарая Эски-Юрт, где сохраняется 5 архитектурных памятников этой эпохи. Наличие целостной группы хорошо сохранившихся сооружений, не имеющей аналогов в Украине, позволило приступить к изучению вопроса о возможной музеефикации комплекса.

В 2003-2004 гг. Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником были проведены архивные изыскания, собравшие воедино всю наличную сумму научной информации о данном объекте. Результаты исследований подтвердили выдающуюся историко-культурную ценность комплекса, необходимость и перспективность его музеефикации (2, с.5).

Данная работа посвящена исследованию памятников Бахчисарайского историко-культурного заповедника – Бахчисарайского Азиза (азиз – святой) святых мест, святынь, мавзолеев как культурных ландшафтов Крыма.

Предметом исследования является изучение роли Бахчисарайского Азиза в сохранении и развитии духовной культуры крымских татар.

Целью данной работы является ознакомление с памятниками святыни Азиз на территории Эски-Юрта, а также выявление роли Бахчисарайского Азиза не только как объекта в процессе сохранения духовной культуры мусульман Крыма, но и как культурного ландшафта Крыма в целом.

Сегодня основными проблемами культурных ландшафтов являются восстановление и сохранение памятников, в том числе и памятников духовной культуры крымских татар. На базе Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника была сделана попытка создания музеев «под